

Часть 4

Я немного посидел на лестнице, чтобы отдышаться, вскоре после того, как ушла Широкуса. Шок от осознания того, что она была Широу, начал полностью пропитывать меня.

Ее признание объяснило многое, что до сих пор оставалось загадкой.

Например, почему она относилась с таким отвращением к своему окружению, или почему она относилась только ко мне относительно хорошо, или почему она пришла, так быстро закончив сюжет...

Если бы. Если бы я только осознал до летних каникул, что Широкуса была Широу, как бы сложились наши отношения? В отличие от того, что есть сейчас... мы могли бы пойти на фестиваль культуры, как влюбленные. Но разве это не станет возможным в будущем?

... Какое идиотское заблуждение.

Я покачал головой и прогнал эти мысли.

Тем не менее, что она имела в виду, когда сказала это?

Ты ведь встречаешься с Абэ-семпаем, верно?

И?

Широкуса явно разозлилась. Но как я должен был интерпретировать ее гнев?

Не спрашивай, если ты уже знаешь ответ. Нет смысла сейчас мне признаваться.

Правильно ли я определяю смысл ее гнева?

У нас так хорошо складывалась беседа, почему нужно было сказать что-то, что испортит настроение?

Возможно, это было больше похоже на ее чувства.

Значит, на «Фестивале признаний» ты не станешь мне признаваться?

Это тоже было возможно.

Я не знал, что и думать, но был уверен, что Широкуса испытывала ко мне какие-то сильные чувства. Наши разногласия в значительной степени были забыты, и в настоящее время я не чувствовал враждебности с ее стороны. Однако было трудно сказать, можно ли это считать любовью.

Если бы я признался сейчас, это сработало бы, верно?

В то же время у меня были и такие мысли.

Она сказала, что встречается с Абэ, но, учитывая, как много она думала обо мне, не могла ли она сделать это, зная, что я не признал в ней Широу?

Это было еще одно возможное предположение, но... нет, я чувствовал, что Тэтсухико сказал бы что-нибудь еще.

Послушай, я знаю, что вы оба давали обещание в прошлом, но почему это должно иметь какое-либо отношение к любви? Разве эти две вещи хоть как-то связаны между собой?

Агрх, я прекрасно ощущал, как он это говорит! И чаще всего подобные резкие заявления отражали правду.

Я имею в виду, что в прошлом я мог прославиться, но теперь я был обычным старшеклассником. Абэ был красивым, богатым актером.

Он собирался победить, скорректировав ее воспоминания? Разве это не было немного несправедливо?

Когда я принял это во внимание, я начал думать, что все это действительно могло быть планом Абэ.

Я все еще не мог исключить возможность того, что меня подстерегала гнусная ловушка, что, если я окажусь победителем на Фестивале признаний после соревнования с Абэ и признаюсь Широкусе, она скажет что-то вроде: «Мне нравится Абэ-семпай. Надеюсь, ты исчезнешь, придурок», и резко отвергнет меня на глазах у всей школы, как опасалась Куроха.

Если бы это случилось со мной, я был бы травмирован на всю жизнь. Мне казалось, что я потеряю уверенность в желании жить.

Тем не менее, я должен принять решение.

Если я хотел заставить Абэ подчиниться, мне придется нести риск и переходить в наступление.

Более того, чего я действительно искал? Мести? Или возможно...

Все еще не собравшись с мыслями, я спустился по лестнице. Голова кружилась.

Когда я добрался до третьего этажа, я обнаружил, что Куроха, прислонившись к стене, ест такаяки.

— Юхуу, Хару. Ты ведь освободился? Хочешь вместе прогуляться по культурному фестивалю?

Даже я мог понять, что она следила за нами все время.

— Ты все слышала?

— Что слышала?

— О Широ.

Куроха поджала губы, запихивая в рот последний кусок такаяки.

— Под Широ ты имеешь в виду Качи-сан, не так ли? Похоже, вы все-таки сильно сблизились.

— Дело не совсем в том, что мы сблизились, поскольку мы уже были близки с самого начала. Я просто не осознавал этого.

— Хммм, но ты зовешь ее Широ, несмотря на то, что так долго не был с ней близок. Я – Куро, а Качи-сан – Широ. Похоже, что я та, кто должна злиться, не так ли?

— Вовсе нет.

— Но так и есть.

Для Курохи было необычно дуться такими обходными путями.

Может ли это быть, что...

— Ты что ревнуешь?

— ?!

Лицо Курохи вспыхнуло красным, и она начала приближаться ко мне, тыкая кончиком зубочистки.

— П-почему я должна ревновать?! Т-ты знаешь, что я вынуждена встречаться с тобой, Хару! Я вообще не сравниваю себя с этой неудачницей!

— Ты действительно так сильно ненавидишь Широ, да...

— Оох, ты снова назвал ее Широ! Почему-то мне это совсем не нравится. Я это прям ненавижу.

Редко можно было увидеть, как любезная Куроха так сильно ненавидит что-то. В обычном случае она бы выразилась более неявно.

Исходя из этого, можно было сказать, что в настоящее время Куроха была более честной, чем обычно.

— Ха-ха, понятно.

Я кое-что понял и рассмеялся.

— Чего?

Куроха посмотрела на меня с неприкрытым недовольством.

— Ты же знаешь, что всегда стараешься вести себя как старшая сестра и заботиться о других, верно Куро?

— И что?

— Я просто подумал о том, что я, вероятно, единственный человек, которому ты так открыто выражаешь свое недовольство, а потом я понял, что, возможно, это просто твой способ покапризничать.

— ?!

— Ах.

Куроха в мгновение ока покраснела, как лобстер, и убежала.

Она явно не хотела, чтобы ее лицо видели. Возможно, из-за того, что она потеряла

самообладание, она начала подниматься по лестнице к выходу на крышу, где мы с Широкусой разговаривали ранее, хотя она должна была знать, что это приведет ее в тупик.

— Эй, Куро.

Я погнался за ней, но Куроха прокричала: «Не ходи за мной!», – при этом все еще пряча лицо. Не то чтобы это значило, что я могу перестать за ней гоняться.

Мы довольно быстро добрались до конца пути. Дверь на крышу была заперта. В результате Куроха забилась в угол, свернувшись клубком. Она была похожа на краба-отшельника, прячущегося в панцире.

— Эй, Куро...

— Не трогай меня!

Она не должна была видеть меня, но она прекрасно читала мои движения. Способности друзей детства действительно пугали.

— Уйди!

— Ты так говоришь, но... что с тобой происходит? Разве ты уже не говорила мне более смущающих вещей? Так почему же тогда ты...

Куроха слегка повернула голову, прежде чем снова закрыться в своей раковине.

— Тебе нельзя нападать на меня.

— Э?

Куроха стремительно встала и вытянула все 148 сантиметров своего тела, чтобы ударить меня по голове.

— Разве я не говорила тебе раньше?! Мне разрешено нападать на тебя, потому что я морально к этому готова, но тебе не разрешено нападать на меня, потому что я не подготовлена к этому!

— А...

Если подумать, может, она и говорила что-то подобное. Я также понял, что времена, когда Куроха смущается, похоже, совпадали с моментами, когда я делал шаг вперед, чтобы подтвердить свое превосходство.

— Думаю, ты действительно притворяешься старшей сестрой, хотя твой истинный характер – нечто иное. Сомневаюсь, что у тебя есть самообладание или навыки, необходимые для того, чтобы отыгрывать роль старшей сестры сейчас.

— Заткнись, заткнись, заткнись!

Меня неоднократно ударили. Чувствуя раскаяние, я искренне извинился.

— Хорошо, я извиняюсь. Я больше не скажу ничего, чтобы тебя смутить.

— ... До тех пор, пока ты будешь это осознавать.

Куроха выпятила свою красивую грудь, но это не произвело особого впечатления из-за ее низкого роста. Однако, я бы усугубил ситуацию, если бы сказал что-нибудь, поэтому пока промолчал.

Куроха посмотрела, оценивая мою реакцию, когда она говорила.

— Но, когда мы остаемся одни, я была бы не против, если бы ты говорил немного более напористо, понимаешь?

— Что? Так я должен говорить эти вещи или нет?!

— Ты не понял?! И то и другое!

Вау, Куроха вела себя как... девушка. Я понятия не имел, как мне поступить с ней...

— Клянусь, Хару, вот почему ты...

Куроха пожала плечами, возвращаясь в режим старшей сестры.

— Я хочу, чтобы ты подумал об этом как следует. Это домашнее задание, которое тебе дает Старшая Сестра.

Я немедленно поднял руку.

— Хорошо, старшая сестра. Я решил домашнее задание.

— Я немного волнуюсь, потому что ты так быстро понял, но... ладно. Итак, Хару, каков твой ответ?

— Я обнаружил, что ничего не понял.

— Ты просто думал, что разбираться во всем этом будет проблемой, не так ли?!

— Да, примерно так.

— Я старательно буду учить тебя, так что ты пойдешь со мной на культурный фестиваль.

Меня потянули за ухо. В итоге меня таскали по разным местам.

Обед, разумеется, множество выставок и мероприятий, тренажерный зал, где можно было посмотреть выступления, и музыкальный зал для групп.

Пока мы этим занимались, приближалась церемония закрытия культурного фестиваля.

— Хару, нужно ли нам разделится здесь?

Комната нашего класса 2-Б располагалась на втором этаже. Новое школьное здание, в котором были классы, и старое здание, в котором размещались преподавательский зал, библиотека и т. д., были соединены переходом на втором этаже.

Мы оказались посреди этого прохода.

— Тебе сейчас есть чем заняться, не так ли, Хару?

— Да

— Я не знаю, что ты собираешься делать и для кого ты это делаешь. Я все еще против того, чтобы ты снова стал играть, Хару, и ты не просил меня о помощи, поэтому я решила ничего не говорить.

— Куро...

— Но я хочу, чтобы ты знал это. Я против того, чтобы ты играл, потому что знаю, сколько боли ты испытал, и что ты чувствовал, когда тебе пришлось отказаться от роли актера.

Честно говоря, я не хотел, чтобы мне напоминали о том, что тогда произошло.

После смерти матери я стал бояться стоять перед камерой. На самом деле никто не заметил мою мертвую мать, и она осталась одна, пока камеры продолжали работать. Я был в ужасе от

этого. У меня были пугающие воспоминания. Даже если вероятность того, что что-то подобное случится снова, была близка к нулю, из-за этого все мое тело тряслось, не в состоянии действовать.

Я чувствовал, что перерыв для меня был неизбежен. Но правда заключалась в том, что произошедшее после этого, ранило еще больше.

Позиция, которую я создал для себя, будучи актером, была для меня источником гордости и уверенности в себе в детстве. Это была моя личность.

Мне пришлось избавиться от этого, и я потерял то, на что полагался.

Я потерял то, за что меня хвалили. Я потерял все, что обрел.

Вероятно, это было аналогично лишению знаний у кого-то, кто поднял самооценку за счет учебы, или тому, что кто-то, ценящий только свои моторные навыки, получил травму и больше не мог заниматься спортом.

Мне нравилось играть. Беспокойство перед камерой, удовлетворение от привлечения внимания людей и чувство выполненного долга, которое я испытывал от вызова у них эмоций – каждое из этих чувств было непохоже ни на что другое.

Таким образом, мои сожаления остались.

Смогу ли я сделать это снова? Почему же я не смог?

Подобные мысли кружились и кружились в моем сердце.

Куроха все это видела. Как я год находился в оцепенении после смерти матери. Как я выздоровел, но мучился от невозможности действовать. Как я сдался и поддался отчаянию. Как с тех пор я проживал свои дни, держа статус-кво, пытаюсь заново открыть для себя счастье.

— Это правда. Ты замечаешь все, Куро.

— Я просто не хочу, чтобы ты снова страдал, Хару. Но, если ты нашел мотивацию и оптимизм, я хочу тебя поддержать. Я хочу, чтобы ты ни о чем не беспокоился и был свободен. Так что...

— Куро?

Куроха дрожала достаточно сильно, чтобы я мог это заметить. Она украдкой огляделась,

осознавая, где мы находимся.

Я не мог понять, что она собиралась делать. До меня доходила только ее нервозность.

— Хару.

Куроха решилась и посмотрела вверх, а потом внезапно подняла руку и дала мне пощечину.

Звук получился четким. Внезапный переполох заставил учеников, идущих вокруг нас, остановиться.

Когда я прижал руку к своей теперь уже теплой щеке, Куроха усмехнулась.

— Хорошо, с этого момента наши отношения возвращаются к прежнему. Все, что ты делаешь, не имеет ко мне никакого отношения, Хару.

О значении слов Курохи можно было догадаться по шепоту, окружившему нас.

— Подожди, Мару-кун и Шида-сан поссорились между собой?

— Неужели Мару снова наделал глупостей?

— Серьезно?! Шида-сан только что порвала с ним?!

... Я понял. Куроха слышала, как Широкуса призналась в том, что она Широ. Задаваясь вопросом, не утратил ли я из-за этого желание мести, она дала мне повод прервать «Фестиваль признаний» и признаться Широкусе.

Мы с Курохой начали встречаться. Я был бы осуждаемым мошенником, если бы тогда признался Широкусе. Но теперь слухи о том, что меня ударили, и что мы расстались, наверняка распространятся со скоростью лесного пожара. Теперь в признании Широкусе не было бы ничего необычного.

— Куро...

Куроха с облегчением выкрикнула.

— Seriously, не заставляй меня делать все, хорошо? Я знаю, что выгляжу как старшая сестра, но...

Ее лицо постепенно затуманилось, а речь внезапно прервалась.

— Я могу выглядеть как старшая сестра, но...

Когда она повторила ту же фразу, упала одинокая слеза.

— Прости.

Куроха отвернулась, не пытаясь вытереть слезы.

Я на мгновение подумал о том, чтобы догнать ее, прежде чем замер на месте.

— Не следуй за мной.

Так сказала Куроха. Но она также добавила:

— Я буду наблюдать.

И я подумал о том, что должен сделать.

Я покажу ей свой ответ на «Фестивале признаний». Это было намного лучше, чем пытаться побежать за ней и поговорить прямо сейчас.

Я сжал руку в кулак, наблюдая за отдаляющейся спиной Курохи... и ударил себя по голове.

Раздался глухой удар, жгучая боль охватила мою голову и кулак.

Я прошептал себе под нос.

— ... Мне очень жаль, Куро.

А затем набрался решимости и выхватил телефон, чтобы позвонить Тэтсухико.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/30412/1234275>